

Ольга Сатолес

*Небо в ладонях
Тонк — сорная трава*

фантастические повести

Ольга Сатолес

**Небо в ладонях.
Тонк – сорная трава**

«Издательские решения»

Сатолес О.

Небо в ладонях. Тонк – сорная трава / О. Сатолес —
«Издательские решения»,

Обе повести о чужаках, волею случая попавших во враждебную среду обитания. Им придётся бороться за право стать своими. Платой за победу над обстоятельствами может стать сама жизнь.

© Сатолес О.

© Издательские решения

Содержание

Небо в ладонях	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Небо в ладонях. Тонк – сорная трава

фантастические повести

Ольга Сатолес

© Ольга Сатолес, 2015

© Борис Лесняк, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Небо в ладонях

Сухопарый нурк с военной выправкой медленно вышагивал по дорожке, выложенной золотым полированным камнем. Ладонь неподвижно согнутой руки сжимала букет алых весен-

них гайганов. Приблизившись к памятнику, нурк аккуратно положил цветы к сверкающей глыбе и застыл в почтительном поклоне. Затем он резко выпрямился и метнул на меня острый, как наконечник стрелы, взгляд. Он длился мгновение, но меня пронзила ненависть, гнев и красноречивое обещание скорой мести.

Я вырос в раскаленном море, под синим сухим небом, где живут люди с кожей, отшлифованной песком. Они вскормлены жарким дыханием Великой Пустыни, а в венах течет кровь пополам с солнцем.

С детства я работал вместе с отцом, проводником туристов. Мой день начинался задолго до рассвета и заканчивался лишь тогда, когда воздух превращал песок в лед. Мы тщательно выбирали маршрут так, чтоб не навредить ни Пустыни, ни людям, и затем сопровождали караван автотуристов на машине. До сей поры для меня является загадкой, как путешествие через пески в раскаленном автомобиле может доставлять удовольствие. Для нас с отцом это было частью работы, а для туристов... Но наши клиенты с таким восторгом взмывали на барханы, с такими восхищенными воплями съезжали вниз, что в искренности их радости сомневаться не приходилось.

Я наверняка унаследовал бы дело отца и до конца дней водил по барханам иностранцев, но однажды у одного из них я увидел в машине атлас планет, открытых человечеством. Я попросил разрешения посмотреть книгу. Турист был удивлен – как? мальчик из племени умеет читать? или просто посмотрит картинки?

Пока хозяин машины накачивался водой из маяка-резервуара, я, устроившись в горячей тени автомобиля, с трепетом раскрыл атлас на первой попавшейся странице. Я был потрясен увиденным – на фоне лазурного океана мерцал изумрудный континент. Чарующее «Наоль» я произнес как заклинание. С первой секунды я влюбился в эту планету навсегда и не мог думать больше ни о чем ином.

С мечтой о Наоль я просыпался и засыпал, во сне грезил только ею. Я влюбился в нее, как подростки влюбляются в зрелую женщину – со страхом и сладостной тоской по несбыточному.

– Да что Вы! Наоль – это сплошные болота. Вы хотите утонуть? В такое захолустье! К тому же, зачем там дипломат? Нам нужны шпионы, но не дипломаты. Вы молоды, у Вас все еще впереди. Вы – один из наших лучших выпускников! Мы уже подыскали Вам приличное место. Я понимаю, рваться в... – ректор затруднился с примером. – Ну-у вот... Вот Раар, к примеру – пляжи, отели,... Но Наоль!

«Да к черту ваш скучнейший Раар!» – думалось мне. В мечтах я пребывал уже на изумрудном континенте, о мои ноги ласково терся бескрайний, как пустыня, Океан, а в глазах отражалось густое синее небо. «Прекрасная» – это слово, мне казалось, как нельзя лучше подходит для головокружительно далекой Наоль. В реальность склизких болот я не верил.

– Ну, ко-ончится же он когда-нибудь? – жалобно протянул мой пятый за наольскую зиму – помощник, тоскливо глядя на бесконечные потоки дождя, резво скользящие по стеклу. Я оставил дурацкий вопрос без ответа. Мы оба знали, что дожди Наоль – это надолго.

Помню, когда болота Наоль успели уже меня засосать, мой третий помощник привез атлас планет, как тот из детства. Любопытно было узнать, что я не обратил внимание в книге на главное – в самом начале стояло, оказывается, такое ма-аленькое уточнение: «Облик планет является плодом фантазии составителей атласа»...

Я скучал по своей жаркой родине. Болота мне порядком надоели, меня раздражала эта вечная вода повсюду, вонючий запах влажного разложения, удушливые туманы и промозглая дождливая зима.

Хотя все равно я продолжал верить в Наоль моей детской мечты. Как часто по ночам снилось мне, что под мутной хлябью ждет своего часа цветущий континент и теплый голубой океан. И я просыпался счастливым.

Сок рапо вскипел, выплеснулся на раскаленную каменную плиту и сердито зашипел. Багровый цветок на столике мелодично засвистел и наполнил комнату ароматом местной травы. «Лигани», – издевательски пропел потолок, что означало пожелание сухого дня. Иногда мне казалось, что потолок заодно со всеми болотами Наоль и просто насмехается надо мной каждое утро этим своим «лигани».

Исчерпав все возможные способы побудки, комната заставила кровать-трубу бешено вибрировать. Когда мне надоело сотрясаться всем телом, я сполз.

Потягивая горячий сок, в который, как обычно, погрузил несколько листков черной травы, я наблюдал из окна пробуждение древнего города, опутанного липким туманом.

Тусклая звезда с ледяным названием Иллийр медленно всплывала над узкими конусами грязно-цветных крыш и уродливо изогнутыми шпилями Кьюкобара. «Золотые» и «бронзовые» нурки, проснувшись одинаково рано, постепенно заполняли неуютно широкие улицы столицы, словно ртуть, перетекая от дома к дому, то сливаясь в мутные потоки, то разбиваясь на тысячи речушек.

Лучи Иллийр полировали осклизлый камень мощеных улиц, освещали золотые и бронзовые памятники – редкие проплешины в сером однообразии города, скользили по жирным сочащимся тягучим тухлым нектаром цветам, пробуждая от ночной спячки бутоны и, нагревая, заставляли расширяться клапаны окон так, что казалось, дома распахивают веки.

Прямо под моим окном оживал странно молчаливый базар; открывались маленькие пекарни, кузнецы раздували меха, бронзовый нурк в красном балахоне раскладывал слизистое серое мясо на каменных полках, обкуривая его едким дымом горящей ветви, ремесленник расставлял на витрине несуразную плетеную посуду. Спешили куда-то дети, лавируя между

прилавок, не торопясь, плыли по грязи подгнившие скноты, и одно за другим вспыхивали окна статных так непохожих на остальные строения зданий, ярким светом прорезая утреннюю дымку.

Часа через два по земному времени, в который раз утолив жажду, буквально преследовавшую меня здесь на планете, я неспешно оделся, запер на несколько замков дверь, прошел по темному тесному коридору, то и дело натываясь на пропахших болотами соседей-кочевников и обмениваясь с ними приветствиями, и, наконец, вдохнул влажный удушливый запах улицы. Едва не упал, поскользнувшись на грязном пороге. Кыюкобар пожелал мне хорошего дня сизым туманом и жидкой после ночного дождя грязью.

За полгода добровольного заточения на планете я так и не привык ни к туману, ни к навязчивой грязи, ни к неистребимому плесневелому запаху. Не принялся и не приморгался. Еще мне по-прежнему неудобно было спать на кровати, на которой нужно лежать брюхом вниз, свесив по бокам руки-ноги, меня раздражал малиновый цвет стен моей комнаты, засаженных специальным, поглощающим влагу грибом, и я решительно отвергал скользкую полусырую пищу, предпочитая давиться сухими составами, поставляемыми с Земли. Но это так – лирическое отступление.

– Мактаб, сухого тебе дня! – просиял мой помощник – улыбочивый золотой нурк Эпош.

Я подозревал, что он уже битый час топчется во дворике гостиницы.

– Лигани, Эпош, лигани! Поедем сегодня к бронзовым? Что скажешь?

– Съедят они нас, и тебя, и меня, и жаки моего съедят.

– Прямо так и съедят всех?! Да быть не может! Ну, хоть жаки твоего должны оставить – вон какой худой, одни кости торчат. Считай совсем скелет. Подавятся, ведь.

– Шутишь, а я серьезно. Думаешь, посмотрят шока, что ты гость?

– Эпош, мне нужно наверстывать упущенное – я всю зиму просидел в гостинице. Так что, даже если на обед подадут меня, придется ехать.

Каждое утро, садясь в скрипучий тарантас, запряженный тощим всклокоченным жаки, или старый деревянный скнот мы принимались торговаться с Эпошем по поводу распорядка моего дня. Он отговаривал меня от поездки, как умел, но потом все равно вез, куда требовалось.

В начале осени я прибыл на планету, чтоб узнать, как развивается цивилизация нурков, и чем эти знания полезны для Земли. Мне выделили шикарные, по меркам Кыюкобара, апартаменты при посольстве, довольно резвый новенький скнот и навязали целый штат услуги. Но я понял, что не сумею ни в чем разобраться, если буду таскаться в обществе официальных лиц, и взирать на жизнь нурков из своего удобного номера с вентиляцией. Потому я предпочел поселиться в обычной гостинице для кочевых нурков, купил старый скнот и нанял в качестве шофера золотого нурка Эпоша, который являлся первым нурком, которого я увидел живьем – ему, как лучшему шоферу администрации Кыюкобара, поручили встречать меня в порту, когда я впервые прибыл на планету. Он стал для меня проводником в топях Наоль, и постепенно добрым приятелем, что немало важно для одинокого чужеземца.

Возил меня Эпош в основном на скноте, но, если отправляешься в Южную общину бронзовых, лучше воспользоваться худосочным животным – так быстрее встретишь понимание, советовал Эпош.

В начале зимы от меня ушел очередной помощник. Помню, когда дезертировал первый, у меня было ощущение, будто я потерял семью. Не потому, что мы были с ним такими уж друзьями, просто я оказался абсолютно один на чужой планете.

На этот раз я не придал бегству особого значения, даже обрадовался, так как решил, что моим следующим помощником станет Эпош. Уж он-то точно никуда не сбежит. Моя просьба привела земное руководство в некоторое замешательство, но после недолгих колебаний мне разрешили оставить в качестве помощника аборигена. Местному начальству было все равно.

Среди зимы я получил письмо с Земли. Меня отзовут, если через четыре земных месяца я не представлю положительный отчет о моей работе. Не могу сказать, чтобы меня напугало это предупреждение – я и сам был бы рад убраться отсюда, но тогда получается, я останусь в проигрыше. Мало того, что я обманулся насчет планеты, я еще стану неудачником, который не сумел «раскусить» инопланетную расу. Я не мог допустить такого поворота событий.

Итак, если верить Эпошу, чужаку на этой планете не выжить и дня, и повсюду каждый миг его поджидают неслыханные опасности. В сущности, так оно и было... Тут мне хочется сделать небольшое отступление и объяснить, как в целом устроена жизнь на этой планете.

Наоль в основном – это непригодные к использованию пространства вязкой смрадной жидкости и небольших участков сносной для возделывания почвы, выступающей в виде плато из совсем неглубоких болот. Некоторые плато соединены между собой достаточно широкими перешейками, которые также вовсю обрабатываются. Эту «сухую» наоль обжили рониты – золотые нурки, которые произошли в результате эволюции болотных животных, выползших на сушу. Рониты гордо именовали свою вотчину «континентом». Вокруг этого насекомоподобного континента простирались болота, из которых торчали кряжистые древовидные растения и редкие каменные глыбы. «Мокрую» наоль заселили шока – бронзовые нурки, сформировавшиеся после того, как рониты вытеснили «излишки» расы обратно на болота.

Пока рониты учились выращивать еду и рыли дома в почве, шока обосновались на деревьях, ловили в болотах толстых склизлых змей и ворочали огромные камни, буквально заматывая ими неглубокие болота.

Видимо, какое-то время рониты и шока соседствовали довольно мирно, не пытаясь отвоевать пространство у других. Но когда был уложен последний камень, появились стычки. А вот здесь и начинается самое интересное.

Конфликтовали нурки всего полвека – первооткрыватели – капилы застали их еще мирно сосуществующих, ныряющих за змеями и корпящих над скудными всходами. Но экипаж капилов быстренько убрался с Наоль, оставив две трети задохнувшихся соплеменников гнить в болотах.

Пришвартовавшиеся полвека спустя земляне с изумлением обнаружили города, заводы, вспаханные машинами поля, промышленное разведение болотной живности да редкие золотые, бронзовые и прозрачные памятники погибшим в былой войне.

В настоящее время нурки жили общинами – Северная и Южная шока, Северная и Южная ронитов. Общины располагались на окраинах городов, а работать, торговать и учиться нурки выходили на общую территорию в центре.

Относительно исчисления времени существовал некий дош – определенное количество восходов и закатов Иллийр. Шесть дошей укладывались в цикл. Лишь в конце цикла жители Наоль устраивали себе небольшой отдых. Обходились они, впрочем, без гуляний и пиршеств.

Рониты и шока несмотря на взаимное недоверие составляли единое сообщество и являлись примером потрясающего развития цивилизации, которая заснула однажды, крепко сжимая в мозолистой руке дубину, а проснулась за «штурвалом» скнотов.

Откуда взялись у нурков идеи для подобного скачка, никто не понял. Первое, что приходило на ум – украли! Или обменяли на какое-нибудь ценное сырье, добываемое на Наоль. Но, увы. Их прогресс не походил ни на один из известных во Вселенной. То, что получили нурки в течение десятилетий, не было изобретено нигде. Их средства передвижения не летали по воздуху, не ездили по наоль, а мчались под толщей болотной воды, иногда выныривая подобно дельфинам и проскальзывая встречающиеся на пути островки по грязи. Жилища нурки не строили, дома самостоятельно произрастали – словно деревья на тщательно удобренных вонючей тиной площадках. Так называемые орудия труда у жителей Наоль также отличались странным свойством – упругие и пластичные, но при этом чрезвычайно функциональные. Необъяснимое ощущение возникало у меня каждый раз, когда я брал нож, чтоб разрезать фрукты – крошечные зубчики упругого лезвия, казалось, прогрызают плод. Орудовать дубинкой для заколачивания я считал весьма занятым делом – возникало чувство, что кувалда напрягает скрытые мышцы, чтоб помочь мне ударить посильней. А чего стоили гвозди, которые она забивала! На Земле их покупали бы детям, как домашних животных.

Земляне организовали группу, обязанностью которой было дознаться, как нурки добились таких результатов в развитии цивилизации. Особенно впечатляли дома, выросавшие самостоятельно – никакой тебе техники, котлованов, свай, рабочей силы минимум.

Я просился в первый состав исследовательской группы. Должен заметить, что в нее загонали палкой – здоровье землян климата Наоль не выдерживало, половина первых разведчиков вернулась с планеты вперед ногами. Та же участь постигла и следующих. Уже одно то, что никто, кроме капилов и землян, не отважился посетить Наоль, говорило о многом.

Но я к тому времени еще ничего об этом не знал, так как сведения о Наоль были засекречены. Потому, узнав, что я рвусь на болота Наоль и жажду выяснить тайну прогресса нурков, меня сочли сумасшедшим и преподаватели, и сокурсники. Мне предрекали скорую гибель и сетовали, что зря я семь лет в университете учился быть достойным представителем планеты Земля. Полгода спустя никакие группы уже никто не формировал, но я продолжал настаивать. Наконец мне выделили средства и дали добро на самостоятельное изучение Наоль в качестве официального представителя Земли.

Добиться толкового внятного ответа на вопрос, из чего (я уж не говорю – как) сделано все это «великолепие» на Наоль, не представлялось возможным – любой житель планеты отвечал упорным молчанием или дежурной фразой «анконоль», что означало «изобретение ученых». Ну, что-то вроде этого. Как пояснил однажды Эпош, перейдя на подбострастный шепот

и еще больше сузив глаза-щелочки: «Ученые придумали все это, чтоб нурки жили хорошо». Когда придумали, что значит «жить хорошо», кто такие эти «ученые» никто ответить не хотел. К слову, «ученые» – это мой емкий перевод нуркского выражения «анкоро лоби то», что значит дословно «те, кто знает все».

Я скрупулезно вел наблюдения, взял массу проб, но отправить их на Землю для исследования было невозможно – нурки буквально ощупывали каждого, кто покидал Наоль. Зато довольно халатно относились к проверке прибывших посылок, и я очень рассчитывал, что Земля исполнит мою просьбу и пришлет небольшую лабораторию.

Регулярные посещения общин нурков с официальными визитами вменило мне руководство на Земле. Мне надлежало отсылать на родную планету подробный отчет о визите с подведением итогов переговоров. Трудно представить более идиотское задание; похоже, они там, на Земле, совершенно не понимали, что я не могу вывести тайны, просто сунув нуркам под нос анкету.

Сегодня мне предстояло навестить Южную общину бронзовых, которая пользовалась одинаково дурной славой, как у золотых нурков, так и у бронзовых Северной общины из-за крутого нрава их главы Рауз-а – большого любителя устраивать скандал на ровном месте. В безосновательность его вспыльчивости я не очень-то верил, тем более в качестве «ровного места» мои знакомые рониты приводили факт наглого застраивания золотыми нурками части территории, принадлежащей Южной общине.

Честно говоря, меня не меньше, чем Эпоша, мучили сомнения по поводу визита. Ну, разумеется, я не верил в угрозу каннибализма, но с недавних пор у меня появились серьезные проблемы в общении с нурками. Дело в том, что с моим появлением на планете Наоль у нурков начали рождаться цветные дети. К примеру, в семье золотых появлялся серебристо-оранжевый или желтый ребенок, у бронзовой пары – красный. Некоторые решили, что я занес заразу. Все чаще и чаще я слышал от местных сердитое ворчание в свой адрес и ловил на себе недобрые взгляды.

Мохнатые лапы жаки постоянно разъезжались, поэтому доскользили мы до южного Кьюкобара часа через два. От зловонных испарений кружилась голова, и слегка подташнивало. Эпош, увидев, что мне не здоровится, укоризненно потряс головой и пробубнил:

– Опять не ел черную траву. Сколько можно повторять тебе – надо есть черную траву, надо есть черную траву.

– Да не ворчи! Ем я твою траву. Видно, не помогает нам, землянам.

С повозки я сумел сойти только с помощью Эпоша – ноги слушались плохо. Южная община расположилась на холме, который, учитывая мое состояние, представлялся мне неприступным, и я поморщился при мысли, что придется взбираться к шока.

– Смотри, Мактаб, – Эпош указал наверх.

С легкостью преодолевая крутой спуск, к нам спешил бронзовый нурк. Я почувствовал легкий укол беспокойства, но зато недомогание разом сменилось приливом сил.

- Видишь, Эпош, увидел шока, и черная трава не понадобилась.
- Уйдем, Мактаб. Мы, ведь, одни здесь. Случись что, нас в Южной никогда не найдут.
- Ты лучше за жаки следи, он может испугаться чужака и уйти.

– Лигатаум!

На меня хмуро смотрел шока, чье лицо напоминало полено, треснутое пополам.

- Я Рауз~ – часть Наоль, плод Южной общины Кьюкобара. Кто ты?
- Лигатаум! Я – Мактаб, часть Земли, плод Великой Пустыни, – отвечал я в том же духе. Я обрадовался, заметив, что шока использовал вежливую форму приветствия.
- Как? – притворно удивился Рауз~. – Неужели Наоль столкнулась с другой планетой?! Смогут ли это явление объяснить наши ученые?

Я понял так, что шока сострил, и опрометчиво посчитал это добрым знаком. Но шока не проронил больше ни слова, а по законам нурков гость не в праве говорить первым, он может только отвечать. Если хозяин хранит молчание, пришедший не должен напрашиваться в собеседники – подобную настойчивость раньше могли покарать очень жестоко. Станный с точки зрения землян обычай имел простое объяснение – в древности визитер звуком своего голоса (а у нурков он довольно громкий) мог привлечь кочующих разбойников – в эти банды сливались отвергнутые общинами шока и рониты – и порой хозяин оказывался неподготовленным к отпору. Заговорив с гостем, нурк соглашался постоять за себя и пришедшего. Неспособный защититься хозяин «перемалчивал» встречу. В наши дни нурки с успехом использовали древний обычай, если не хотели общаться с визитером.

Я решил, если меня не позовут в общину, я передам шока письменное приглашение в свои «апартаменты». Перемолчав встречу, Рауз~ сердито взглянул на Эпоша и повернулся, чтоб уйти, но я успел протянуть заранее заготовленное приглашение и письмо, присланное с Земли. Рауз~ принял у меня и то и другое и, едва взглянув на текст, сцепил в замок короткие пальцы в знак согласия удостоить мои послания вниманием.

В начале своего приезда я с энтузиазмом пытался по-своему вникнуть в проблему добычи информации. Для начала я решил устроиться на работу на одно из предприятий Кьюкобара, чтоб лучше влиться в общество нурков. Ну, понятно, никто не примет на работу иностранного посла, потому я надумал гримироваться под шока.

Моя идея перевоплотиться вызвала тогда недоумение земного помощника и приняла горячее одобрение Эпоша – он помчался разыскивать для меня подходящую одежду.

Я не посвятил товарища в причины перевоплощения – сказал, что мне понравилась местная девушка, но на прищельца она и смотреть не станет. Вот, мол, и хочу проверить аферу с переодеванием. Эпош прямо загорелся этой идеей – возбужденно хихикая и заваливая меня дельными советами, он помогал мне накладывать грим и постепенно преображаться в бронзового нурка. Насилу удалось уговорить его не сопровождать меня на улице. Помощника и отговаривать не пришлось – он и носа не высовывал из своих уютных вентилируемых апартаментов.

На заводе по производству скнотов я убедил «золотого» начальника, что могу выполнять любую «черную» работу.

Чудесное мне нашли занятие – в мои обязанности входило вымешивание какой-то специальной смазки отвратительной как на вид, так и по запаху. Изготавливаемый мною «ценный» продукт носил гордое название «гуув» – «свобода» – я думаю, в смысле свободы передвижения.

Работа была, что называется, каторжной; перемешивать массу следовало какой-то неподъемной огромной лопастью очень тщательно, чтоб не осталось ни единого комочка. Отрадно становилось лишь от присутствия «коллег по работе», с которыми иногда удавалось перекинуться парой словечек. Хотя я старался поменьше открывать рот, так как к тому времени у меня акцент еще не исчез. Спасало лишь то, что похоже разговаривали выходцы из отдаленных западных деревень.

Завод, в стенах которого мне довелось трудиться, представлял собой грязно-коричневого цвета овал немыслимых размеров, также выросший из наоль и обложенный вдоль основания какими-то шевелящимися огромными булыжниками. Внутри здание было разделено, как я понял, на 3 яруса, а те в свою очередь на крошечные комнатки, в которых 2—3 нурка выполняли определенный этап работы.

Потрудившись пару недель, я ощутил острый приступ отчаянья – в понимании всего процесса изготовления скнотов мне не удалось продвинуться ни на йоту. Я даже не выяснил, что ещё нужно производить, чтоб получить скнот. Не буду же я ходить из комнаты в комнату с вопросом «Чем вы занимаетесь?»

На заводе работали как шока, так и ронит, причем трудились бок о бок, но общались они мало и то только по делу. Нурки вообще довольно малообщительный народ, занятый, в основном, работой. Большинство моих «коллег» покидало завод лишь глубокой ночью, в то время как моя часть работы занимала несколько утренних часов.

Эпош, уверенный, что я пропадаю на свиданиях, просто сгорал от нетерпения, и едва я появлялся в гостинице, засыпал меня вопросами. Изворачиваться и выдумывать подробности встречи было, пожалуй, трудней, чем замешивать «Свободу» и в общественном туалете переодеваться обратно в землянина, чтоб соседи по гостинице ничего не заподозрили.

В конце концов я сказал Эпошу, что временно прекращу авантюру, перестану морочить голову бедной девушке и буду посвящать утро начитыванием дневника. На самом деле я бросил работу на заводе и в образе ронита нанялся рассыльным в лавку у гостиницы к торговцу фруктами. У него Мактаб-дипломат каждый день покупал несколько свежих плодов к обеду.

Работа меня устраивала относительно свободным графиком и возможностью изучать ближе жизнь нурков. Разнося фрукты, я получил возможность бывать во многих семьях золотых и бронзовых. Легенда относительно меня звучала так – я был нурком-кочевником, но теперь решил вести оседлый образ жизни. (Я узнал у Эпоша, что такое случилось).

Эпош, лишившись развлечения с моим переодеванием, ужасно расстроился, сник. А у меня появилась новая проблема – как бы не попасться ему на глаза в гриме ронита, который я научился довольно хорошо накладывать самостоятельно.

За те несколько земных недель доставки фруктов по адресам, я повидал немало нурков и сделал некоторые наблюдения.

Первое – я не встретил ни одного смешанного брака! Рониты жили с ронитами, шока с шока. Хотя, по-моему, физиологически смешение было возможно.

Среди моих золотых клиентов чаще попадались одиночки. Эти рониты жили, как правило, в отдельных небольших домах цилиндрической формы, расположенных в центре Кыюкобара. Их жилища были достаточно просторны и весьма скромно обставлены. Хозяева занимали большей частью солидное положение, о чем свидетельствовали надписи над входом; что-то вроде «Паверел, цук 2 4». «Паверел» – имя владельца дома, цук – буква алфавита нурков, в данном случае обозначающая одно из тех самых зданий, что независимо и таинственно возвышаются над столицей вдоль ее кромки, а 2 4 – нумерация здания. Кем работал этот Паверел я так и не выяснил, но догадывался, что он причастен к строительству дорог. Интересным в его поведении было то, что он не ел фрукты, а тщательно размазывал их по шершавому образцу плитки, которой шока мостили улицы в своих общинах. Этим он мне и запомнился. Кидался ко мне, выхватывал самые сочные плоды и ошалело принимался за дело. Несколько дошей спустя я наблюдал, как рониты закрывали дорогу плитами и поливали из глубоких ковшей вязкой остро пахнущей фруктами субстанцией, после чего дождь свободно стекал в желобки обочин, не оседая лужами на дороге.

Шока, мать многочисленного семейства, удивила тем, что практически все, принесенное мной, скармливала своему коричневому сыну, в то время как в остальных семьях цветным детям едва доставалась обычная еда. Еще запомнилось то, что эта семья обитала в душном многоквартирном доме, но именно их комнаты были всегда прохладны, и в них не пахло плесенью.

Был еще странный клиент – шока-портной, живший в Северной общине на самом отшибе Кыюкобара с девочкой-ронит. Где он ее подобрал, и что их связывало, осталось для меня загадкой. Когда я заходил в вечно распахнутую дверь, ни он, ни девочка, не поворачивали головы в мою сторону и продолжали трудиться над одеждой. Лишь жестом портной указывал, куда складывать фрукты.

Шока-повар всегда чрезвычайно придирчиво ощупывал и обнюхивал каждый плод и брал лишь половину заказа. Но мой хозяин совершенно не сердился и, озабоченно качая головой, повторял, чтоб в следующий раз я выбрал для него плоды получше.

Помню одного весьма состоятельного ронита, чья дородная фигура появлялась на пороге в окружении многочисленного потомства. Дети облепляли меня, словно обезьяны пальму, и с ловкостью тех же обезьян выуживали у меня из корзин все до последнего фрукты, даже те, что им не предназначались. Потом вдвоем с хозяином мы, посмеиваясь, отбирали у детей лишние и складывали обратно.

Из своих наблюдений я почерпнул то, что шока и ронит, в основном были озадачены какой-то проблемой, пытались найти решение и мало думали о вознаграждении за труды. Дети

трудились наравне со взрослыми, женщины вместе с мужчинами. Вот только к разгадке тайны эти знания меня не приближали.

Однажды лавка оказалась закрыта наглухо, а на месте своего хозяина я обнаружил глубоко простуженного стража порядка, что-то тщательно записывающего на замусоленном клочке бумаги. Я, пребывающий на тот момент в облике Мактаба-дипломата, засыпал стража вопросами. Беспреданно прочищая плоский нос и отплевываясь, законник, облаченный в синюю рубаху с чужого плеча, вяло сообщил мне об убийстве фруктовщика.

Я был одинаково потрясен как трагическим известием, так и равнодушием стража порядка. Я рассчитывал, что он сейчас примется допытываться «Когда видели последний раз?» «За каким делом застали?» Да мало ли вопросов возникает, когда расследуют убийство. А он ничего не спросил. Только напутствовал, осторожней, мол, будьте, раз уж приплыли к нам, чтоб и Вам еще шею хлипкую не скрутили, чтоб не было потом у Земли претензий к нуркам. И все. Я в свою очередь снова попытался узнать подробности происшествия, но страж сделал вид, что не услышал ни слова, поклонился как-то вбок, постоял еще минуты две и ушел.

Я поспешил в номер. Стоило открыть дверь, как на меня пахнуло болотной тиной. Неужели я забыл закрыть окно?

Да нет, не забыл. Его разбили. Посреди комнаты лежал здоровенный круглый камень, размером едва не с мою голову. При внимательном изучении выяснилось, что на камне высечена какая-то надпись. Я зажег фитиль, поднес камень к свету и прочел – «Сотоп». «Смерть»! Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Из разбитого окна сквозило сыростью и протяжной печальной песней...

Отчет о предыдущем посещении Северной общины ронитов крайне не удовлетворил мое руководство. В письме мне снова пригрозили увольнением. Угрозы я не воспринимал всерьёз. Идите – поищите еще одного сумасшедшего на мое место. Но, признаться, мне и самому не нравились темпы моих исследований. За месяцы я не продвинулся ни на шаг.

В начале зимы мы чрезвычайно мило пообщались с главой Южной общины ронитов. Поиграли с ним в какую-то интеллектуальную игру, смысл которой остался для меня тайной – я перемещал фигуры по совету Эпоша. Ронит с дорогой душой продемонстрировал мне жизнь в общине. Провел по территории, показал возделанные участки, несколько домов, познакомил с членами общины. Даже прочел перед ними небольшую лекцию о Земле и землянах в весьма положительном ключе. Я добавил от себя несколько теплых слов. Все прошло чудесно. За исключением одного.

Меня за чем сюда послали? Выяснить, как нурки достигли мощного скачка в развитии цивилизации. А я? Да, изучал их обычаи, отирался возле всяких там пекарен, фруктовых лавок, вроде как познавал быт. Что дальше? Насчет их прорыва у меня даже догадок не было. Еще нурки эти со своими подозрениями... Глупо, конечно, с нашей стороны, вот так в открытую прилететь к ним – здрастье, мол, давайте открывайте нам все свои секреты. Маскироваться нужно было, язык этот заранее изучить, внедриться, проникнуть, раствориться. А мы вроде

туристов – за мизерную плату хотим получить раритеты и удивляемся, когда нам подсовывают подделку.

С лабораторией, что я попросил, тоже одни проблемы; отвечают – «Ваш запрос не удовлетворен – обоснуйте необходимость получения лаборатории.» Вот ненормальные! Почта тащится по три недели туда и обратно – в лучшем случае. Не могли уже прислать то, что я просил. Не для развлечения прошу. Жди теперь еще месяц, пока им понравятся мои обоснования. А сами всего четыре месяца дали срока. Почему начальство живет всегда в ином измерении?

Однажды я попытался подобраться к тайне нуркского прогресса с другой стороны.

- Эпош, чему учат маленьких нурков?
- Чему нас учат в детстве? Ремеслу учат.
- А читать, писать?
- Вырастешь, сам научишься.
- У кого?
- Есть подготовленные нурки. Придешь к ним – научишься.
- Ничего не понимаю! Вот, врачи у вас есть – я сам к одному ходил. Помнишь – техника у него была всякая, продырявил он меня чем-то. Кто-то делает эту технику, где-то он на врача учился?
- Врачом он стал по согласию общины. Знания ему передал тот, кто занимался врачеванием до него. А инструментам дали жизнь ученые.
- Про ученых ты все твердишь – как и где они учеными становятся?
- Этого никто не знает, иначе все потеряло бы смысл.
- Да какой смысл? – я начинал выходить из себя. – Откуда ты тогда знаешь, что ученые вообще существуют?
- Это все знают, иначе все потеряло бы смысл.

Я обречено махнул рукой. Если Эпош заладил про потерянный смысл, толкового объяснения от него не добьешься.

- Хорошо. Так дети ваши куда сбегаются по утрам?
- Они работать идут.
- Даже совсем маленькие?
- Раз умеют ходить, значит не маленькие.
- А где они работают?
- Могу показать.

К середине дня немного потеплело, и оттаял большой пласт грязи, потому наш скнот скользил очень резво, иногда подныривая под перешейки и проплывая в болоте часть пути. Любоваться, впрочем, под мутной водой было нечем – мимо нас проносились лишь размытые силуэты каких-то животных.

По дороге я вкратце описал Эпошу ситуацию с угрозой. Поразмыслив немного, помощник посоветовал сменить адрес и выдвинул предположение, что причина может скрываться, да, в мутациях у детей.

- Вот, кстати, посмотришь на них. Ты поймешь – они совсем другие.
- В смысле другого цвета?
- Нет, они другие.

Мне показалось, последнюю фразу он произнес с оттенком горечи. Эпош сообщил, что я смогу пообщаться с цветными детьми. Допустим, дело все-таки во мне, но, значит, детям этим от силы полгода. Конечно, дети нурков развиваются быстрее землян, но не в полгода же они идут работать...

Рука уже почти не болела, только саднила тыльная сторона ладони и сильно кружилась голова.

Сначала, все шло неплохо. Мы подъехали к круглому, выпучивающемуся из наоль дому, вокруг которого дети разного возраста сосредоточенно что-то собирали под присмотром взрослого ронита. Периодически то один, то другой подбегали к нему и показывали находки. Нурк рассматривал их весьма придирчиво. Некоторые отбрасывал в сторону, иные помещал в объемистый короб за спиной. Никто не обратил на нас никакого внимания. Мы приблизились. По традиции молча.

- Лигатаум! – ронит использовал более торжественную форму, нежели дружеское «лигани». – Что землянин хочет от невзрослых нурков?
- Он хотел бы посмотреть, чем заняты дети.

Ронит, ничего не ответив, подождал, когда к нему подбежит ребенок, и протянул мне найденное. Это были цветы с твердыми, как металл, черными листьями, на короткой острой, как игла, ножке, и янтарной каплей-сердцевиной.

- Цветы... – восхитился я. – Да какие красивые!
- Цветы! – довольно ухмыльнулся Эпош. – Красивые. Ты считаешь, у нас тут одна грязь?

Мне почудился в его голосе какой-то сердитый тон, но Эпош улыбался.

- Для чего вам нужны эти цветы?

Ронит слегка нахмурился, повертел цветок и резко ткнул его ножкой в кожу руки – из малюсенькой ранки на наоль струйкой побежала густая темная кровь. В ответ на мой изумленный взгляд ронит внимательно посмотрел сперва на Эпоша, потом на меня.

- Все нурки выпускают на волю кровь. Это нужно Наоль, – сообщил ронит.
- Первый раз такое вижу? Эпош, и ты это делаешь?
- Да-а! – как-то неуверенно произнес Эпош.
- Что ж ты мне ничего об этом не говорил?
- Ты не спрашивал.
- А можно побывать внутри?

Я успел указать на здание «школы» и сделать инстинктивный шаг в его направлении. Все произошло так быстро, что даже странно, как я сумел подметить детали – в меня поле-

тел цветов, потом другой, еще и еще, их бросали дети, цветные дети, выскочившие на порог дома. Ронит метнулся ко мне, закрыл собой, повалил на наоль, что-то гортанно закричал детям, потом вскочил, бросился к ним, спешно толкая их обратно к черному проему входа. Эпош стоял, не шелохнувшись. Наверное, испугался. Я отключился.

Меня спасла одежда. Собираясь в «школу» я натянул на себя одежду нурков из чрезвычайно плотной ткани, предохраняющей от попадания чрезмерной влаги на тело. Те цветки, что попали на одежду, не причинили мне никакого вреда, но пара все же угодила мне в лицо и руку. Ронит остановил кровь, напоил какой-то обезболивающей сонной травой – раны были чрезвычайно болезненны, и Эпош отвез меня в гостиницу, где я погрузился в дремоту, судорожно цепляясь за обрывки памяти и силясь понять, чем прогневил молодых нурков.

Раздался осторожный свист за дверью – нурки просят таким способом разрешения войти. Я с трудом сполз с кровати и доплелся до двери. На пороге стоял Рауз~.

– Лигатаум!

– Лигани! – по-приятельски приветствовал меня шока.

Я жестом пригласил Рауз~а в свое жилище. Он осторожно сел на зыбкое сидение посреди комнаты.

– Ваше письмо показалось мне неумным.

– Мне тоже.

– ???

– Писал не я – мое руководство. Поймите, оно слишком далеко от Наоль, поэтому ничего не смыслит в наших делах.

Видимо, шока понравилось обозначение «наших», во всяком случае, я разглядел написанное на одной половине его лица удовлетворение.

– Я также прочел Ваше приглашение. Я не говорил ни с одним инопланетным пришельцем – мне интересно. Чего Вы хотите?

– Собственно, я намеревался поговорить с Вами о Вашей общине. Я знаю, и шока, и ронит не очень жалуют бронзовых Южной общины, но я так и не понял, почему.

– Зачем это Земле? Землянам не хватает именно этих знаний? Если узнаете – что станет после? Будут у вас на Земле перемены?

Рауз~ снова иронизировал. Я не нашел логичного ответа.

– Я услышал, Вы пострадали...

– Да, пустяки.

– Не думаю. Через несколько часов Вы поймете, как Вам не повезло.

– Откуда вы знаете, что на меня напали?

– Говорят...

– Хуже всего то, что я не нашел объяснения этому недоразумению.

– Вы действительно не поняли?

– Нет.

– Цветные дети хотят, чтоб Вы улетели с Наоль.

– Они думают, я виноват в цвете их кожи?

– Частично это так.

– Неужели я действительно принес заразу? А земляне до меня? А капилы?
– Причина в Вас.
– Я не понимаю.
– Присмотритесь к тому, что вокруг Вас. Вы все поймете.
– Я запутываюсь все больше и больше. Но почему никто из Вас не хочет объяснить мне, что здесь происходит?
– Все чужие думают, что мы должны раскрыть себя, или лишь земляне такого мнения? Нам истина известна, но она не для чужаков. Если вы все узнаете, вы все равно многого не поймете и причините нам вред. На прощанье вот Вам мой совет – решите, что для Вас важнее – разрушить тайну или понять нас. Всего хорошего! – отрывисто бросил Рауз~ и растворился в сумраке коридора.

Мне не хотелось оставаться одному. Меня охватило беспокойство, начало казаться, будто сама комната настроена ко мне враждебно. Я предпочел прогулку прозябанию в номере.

Душный пасмурный вечер поманил меня ритмичной мелодией, чье эхо наполняло смутные улицы и пробуждало в душе забытые чувства. Конечно, надо было бы отлежаться, но мне решительно не сиделось на месте. Я и так всю долгую зиму старался поменьше бывать на воздухе, потому что наольская зима и земной организм – практически смертельное сочетание.

В туалете я заgrimировался под ронита и начал облачаться в их одежду. Одежду я решил надеть еще зимнюю – она приятно обдувает изнутри теплым воздухом. Хитрая такая система: берет воздух из внешнего мира, согревает и дует на тебя, а в качестве топлива для агрегата берет энергию того самого тела, на которое надета. Рауз~ оказался прав – я с большим трудом натянул на себя рубашку, потому что рука все больше распухла и противно ныла. Подбородку, вроде, досталось меньше.

Весна уже пропитала даже затхлый воздух. Холодные дожди сменились теплыми, пробуждающими к жизни сосущие влагу растения. Потому, как ни парадоксально это звучит – чем больше дождя весной, тем суше почва Наоль. Стало гораздо теплее, на небе дольше держалась Иллийр, порой сквозь облака даже удавалось разглядеть кусочек неба. Из грязи показались верхушки растений. Я ощущал, как пористые стены домов раскрыли какие-то внутренние клапаны и степенно закачивали в себя воздух – дышали весной.

Я намеревался прогуляться к окраине столицы и поближе рассмотреть неприступные высотки, обнесенные солидным забором, напоминающим безумное сплетение толстенных искореженных корней.

Несмотря на повсеместную слякоть Кьюкобар производил впечатление относительно ухоженного города. Вдоль домов улицы были закрыты гладким темным камнем. Каждый дом, так сказать от рождения, имел уникальный цвет, что создавало даже некое ощущение красочности улицы. Обочины тротуара были заселены невысокими жирными растениями, худо-бедно пьющими воду рядом у домов.

Я все перебирал в памяти, ощупывал какие-то детали, которые, как мне казалось, могли подтолкнуть меня к разгадкам многочисленных тайн; угрозы, смерть продавца фруктов, цветные дети, прогресс нурков... Последний месяц был щедр на события.

Я брел по тихим час от часу тускнеющим улочкам, шурился от неожиданно слепящего света Иллир и в какой-то момент признал странный факт – грязь попадалась мне на глаза гораздо реже. В том смысле, что я реже замечал ее.

Мимо меня торопились домой нурки, пробегали дети, две женщины бронзовая и золотая, неспешно вели беседу, остановившись прямо посреди дороги, юркала под ногами какая-то скользкая живность, чинно шествовал вдоль обочины огромный рыжий блук и, с опаской косясь на нурков, периодически хватал кого-нибудь из этой самой скользкой живности и заглатывал добычу целиком.

Я остановился у синего дома, повернулся к Иллир и замер, желая хоть немного прогреться тусклым весенним теплом. Внезапно ко мне подбежал золотой ребенок-девочка. Так как от детей теперь я ничего хорошего не ждал, я весь напрягся и посмотрел на ронитку весьма недружелюбно. Девочку это ничуть не смутило – она потянула меня за край рубашки, указывая кривым пальчиком куда-то в сторону. Я взглянул туда, куда она показывала, и увидел торчащий из лужи, как мне показалось, обломок палки. Воспитанная девочка ничего не объясняла, ожидая, пока я заговорю первым.

– Вытащить?

– Да, – пролепетала она.

Лужа казалась не очень глубокой, но первая попытка вытянуть «палку» не увенчалась успехом. Я потянул сильнее – не тут-то было. Я тащил, что есть мочи, но проклятая палка продолжала нагло торчать из воды, даже не покачнувшись. У меня закружилась голова, замутило и дико захотелось пить, к тому же с новой силой заныла рука. Но я не сдавался. Добро-сердечный ребенок, видя, как мне тяжело, схватила за палку пониже и, смешно надувшись, принялся помогать тащить. Когда я был уже близок к обмороку, лужа глухо булькнула и словно выплюнула палку.

«Палка» оказалась живым существом. Крохотный глаз на одном конце твердого, как камень, испещренного короткими гнутыми бороздами туловища и сплюснутый противоположный конец. Существо задрожало у меня в руках всем тельцем, волнами перекаатило мышцы от хвоста до глаза, выплюнуло жидкость и замерло.

– Он умер? – я протянул зверя девочке.

– Нет. Он заснул. Он всегда такой.

– Кто это? Откуда он у тебя?

– Это клубак. Брат принес. Где он работает, раньше много таких было.

– А теперь?

– А теперь нет. Они жили там в конвах. А теперь конвы не нужны.

– Что ж сейчас вместо конв?

Я и понятия не имел, о чем идет речь, но, чтоб не обидеть ребенка невниманием, поддерживал разговор.

– Сейчас вторые конвы.

– Ясно, – устало вздохнул я.

– Ну, мне пора. Спасибо. Лигани!

– Лигани!

Я без приключений добрался до высоток. Подоспел как раз к тому моменту, когда служащие «вытекали» из трубки на круглом углу основания здания и расплывались в скнотах домой.

«Конвы. Вторые конвы», – навязчиво постукивало у меня в голове. Тут я увидел одного из своих бывших клиентов, по имени Паверел. Он попрощался с коллегами и слегка подпрыгивающей походкой направился к заводу, где на мутной воде обдуваемые весенним ветерком покачивались скноты. Я догнал его:

– Лигатаум!

– Лигатаум!

– Вы помните меня?

– Я не стану возражать, если Вы освежите мою память.

– Я Ваш бывший доставщик фруктов.

– О, да! Фрукты были прекрасны. Вы служите теперь другому хозяину?

– Нет. Я занялся иным делом.

– Неудивительно! Вы, верно, были потрясены, узнав, что вашего хозяина убили дети.

– Как Вы сказали? Дети? Я не знал...

– Да! Цветные дети, которые не раз приобретали у него фрукты.

– Но почему?

– Они отказались рассказать. Их нашли в третьей части этого периода. Странно, что Вы не знаете...

– Я не был в Кьюкобаре.

– Верно, ездили на родину? Вы ведь от западной стороны?

Паверел намекал, что понял по акценту о моем западном происхождении. Я не стал его разубеждать.

– Да. А что стало с детьми?

– Что стало бы с детьми у Вас на западе? У нас все также. Их отправили растить кровавые цветы.

Я набрался храбрости и решил, раз мы так дружелюбно общаемся, узнать у бывшего клиента, как можно больше.

– А почему именно кровавые цветы?

– Но это же опасней всего! Кого еще можно подвергнуть такой опасности кроме преступников! Так необычно, что Вы не знаете этого! У Вас в западной стороне все по-другому? Нужно обязательно посетить ваши края!

– Не-ет, – смутился я. – Не так у нас уж все и по-другому. Но... Значит, лишь преступники растят цветы?!

– Прошу извинений. Я вынужден торопиться. Лигатаум!

– Лигатаум!

Снова не вышло ничего добиться. Эти нурки, будто сговорились – как я намеревался подобраться к сути, у них появлялись срочные дела.

Я подождал, пока нурки рассосутся по скнотам и принялся осматривать здания. Сперва я решил, что тайны из «начинки» нурки не делали, поскольку ворота оказались не заперты, а довольно большие окна предоставляли, как мне показалось, прекрасную возможность внимательно рассмотреть, что происходит внутри. Но не тут-то было – мой взгляд ни на что занятое так и не натолкнулся, потому что окна вели исключительно в переплетения коридоров. Сами же строения были весьма интересны – они не росли из наоль, как остальные, а были выстроены на широком фундаменте, по типу земных. Я вдоволь насобираю проб и с фундамента, и со здания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.